

УДК 343.9

ЛИЧНОСТЬ КИБЕРБУЛЛЕРА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И МОТИВАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Чич Ю. А.

Кубанский государственный университет

Статья посвящена анализу личности кибербуллера – человека, совершающего преступления в виртуальном пространстве путем оскорблений, угроз и травли. Рассматриваются различные типы кибербуллеров, их мотивация, психологические характеристики и поведенческие особенности. Особое внимание уделяется ролевой структуре кибербуллинга, включающей роли хулигана, жертвы, свидетеля и жертвы-хулигана. Также приводятся данные исследований, показывающие связь между кибербуллингом и издевательствами в реальной жизни, влияние родительского контроля на риск вовлечения в кибербуллинг. В статье подчеркивается, что виртуальная личность кибербуллера формируется в процессе онлайн-коммуникации и может существенно отличаться от реального прототипа, приобретая девиантные установки и деструктивное поведение.

Ключевые слова: кибербуллинг, кибербуллер, личность преступника, киберагрессия, мотивация преступного поведения, психологические характеристики, виртуальная личность, девиантное поведение.

Личность преступника представляет собой разновидность личности в целом. Как отмечал Ю.М. Антонян личность — это социальное качество человека, характеризующееся наличием сознания, речи и способностью к деятельности [1]. Человек не рождается личностью, а становится ею в процессе социального взаимодействия, что делает невозможным формирование личности вне общества. Аналогично, человек не рождается преступником, а становится им вследствие неблагоприятного нравственного формирования его личности. В контексте преступной деятельности человек также действует как социальное существо. Исходя из изложенного его следует рассматривать как носителя различных форм общественной психологии, приобретенных нравственных, правовых, этических и иных взглядов и ценностей, а также индивидуально-психологических особенностей [1]. Криминологические особенности личности преступника являются первичными и основными причинами преступных действий, что обуславливает необходимость их рассмотрения в качестве объекта определенного комплекса профилактических мер [13]. Противоправное деяние следует рассматривать не только как результат взаимодействия личности с конкретной жизненной ситуацией, но и как следствие реализации криминогенных особенностей личности, взаимодействующей с различными ситуативными факторами.

По В.Н. Кудрявцеву, личность преступника — это личность любого человека, который виновно совершил противоправное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания [9, с. 12]. Большинство ученых, согласные с данным определением, выделяют общественную опасность и антиобщественную направленность как специфические черты личности преступника. Ю.А. Воронин утверждает, что личность преступника - совокупность различных признаков и свойств индивида, обладающих антисоциальной направленностью, которая проявляется в самом факте совершения противоправного деяния [7, с. 6]. В криминалистике понятие «личность преступника» охватывает систему биологических социальных и психических свойств человека. Данные характеристики, отраженные в окружающей

среде, могут существенно влиять на организацию деятельности по раскрытию и расследованию преступлений [8]. В правовой доктрине этот комплекс характеристик часто называется «единым портретом» преступника [8]. В криминологии выделяют разные аспекты структуры личности преступника, включая социально-демографические, социально-психологические, анатомо-психофизиологические, нравственно-психологические, уголовно-правовые и другие характеристики [15]. Исследователи приходят к выводу о важности разделения этих признаков на внешние (социальные и правовые) и внутренние (психологические). Особо значимым психологическим аспектом является мотивация преступного поведения, включающая мотивы, потребности, цели и другие мотивационные компоненты [11, с. 25]. Особенности личности кибербуллера заключаются в совершении им общественно опасных действий через средства коммуникации посредством намеренных оскорблений, угроз, грубого обращения или насмешки в отношении одного или нескольких лиц [14, с. 44]. В контексте несовершеннолетних преступников возраст играет ключевую роль, влияя на структуру их криминальной личности.

В свою очередь исследования причин (мотивов) кибербуллинга позволили установить, что главенствующей детерминантой данного феномена являются хулиганские настроения и стремление к мести (76%), проявляющиеся через оскорбления и распространение компрометирующих данных, включая порнографический материал [4]. Также утверждается, что мотивацией киберагрессоров обычно являются ненависть, злоба, месть [18], одержимость в отношениях, сексуальное притяжение или неспособность смириться с отказом [24]. Агрессоры часто проявляют агрессивность и мстительность, наслаждаются унижением других, а анонимность в сети придает им чувство власти и безнаказанности над жертвой.

Цифровые средства коммуникации (социальные сети, блоги и почта), служат киберагрессорам для поиска жертв [8; 12], но часто атаки киберагрессоров направлены на людей, которых они знают в реальной жизни. По исследованию, 128 участников знали своего агрессора в интернете. Так, исследование [3] показало, что 32,1 % опрошенных участвовали в киберагрессии. При этом опрошенные акцентировали внимание на внешний вид жертвы (9,3 %), ее поведение (72,0 %), информацию, опубликованную в соцсетях (8,0 %), и предыдущие взаимодействия с жертвой (месть, неразделенная любовь и т.д.) (36,0 %) как причины для агрессии. Из тех, кто проявлял киберагрессию, 25,3 % регулярно становились жертвами кибербуллинга, и только 16,0 % никогда не испытывали кибербуллинг. Киберагрессоры были мужчины и женщины (48 и 52 % соответственно). При выборе жертвы киберагрессор использует все доступные способы, чтобы собрать как можно больше информации о жертве и ее реакции на атаки. Если ему не удается получить нужную информацию, он начинает искать среди родных, друзей, коллег или однокурсников.

Киберхулиганы атакуют своих жертв, используя компьютеры или смартфоны для отправки оскорбительных сообщений, фото или видео, действуя как напрямую, так и через интернет-пространство. Выявлена когерентность кибербуллинга и реальных издевательств: примерно 1/3 обычных хулиганов также участвуют в кибербуллинге, и 16,7% жертв реальных издевательств признались в участии в таких действиях [23]. Такие дети часто испытывают отчуждение в школе, имеют низкую социальную поддержку и успеваемость. Исследования также показали, что недостаточный родительский контроль над использованием интернета усиливает риск [25].

Исследователи определяют четыре типа участников кибербуллинга, классифицируя их по мотивам и методам действий: 1. «Ангел мести» — этот тип считает свои действия оправданными и часто занимается кибербуллингом в ответ на собственные переживания от буллинга. Такие подростки обычно действуют из-под тишка, оправдывая свои действия меньшей, по их мнению, вредностью, и часто являются теми, кто сам когда-то был жертвой, не обладает физической силой и стремится перейти в позицию силы в цифровом мире [14]. 2. «Жаждающий власти» — аналог школьного булли, стремящийся к контролю и авторитету. Такой участник может быть менее физически подготовленным по сравнению со сверстниками или испытывать чувство беспомощности из-за личных проблем, как, например, болезнь или развод родителей. 3. «Противная девочка» — термин, который может относиться как к девочкам, так и к мальчикам. Эти участники занимаются кибербуллингом для развлечения, наслаждаясь страхом и унижением других. 4. «Неумышленные преследователи» — вовлекаются в кибербуллинг случайно, следуя за другими, кто распространяет негативные сообщения, и часто становятся соучастниками и свидетелями без прямого намерения навредить [2].

К. Холла [22] в рамках общей классификации субъектов киберзапугивания выделяет две категории кибербуллеров – киберагрессоры (кибертираны) и комбинированные агрессоры, т.е. лица, осуществляющие травлю в реальности, так и в виртуальном пространстве [21]. В процессе общения в интернете формируется виртуальная личность, которая может значительно отличаться от реального образа человека. В такой среде личность может проявить и развить девиантные черты, ведущие к деструктивному поведению, опасному как для самого индивида, так и для его окружения. Кибербуллеры, которые могут быть как взрослыми, так и подростками, иллюстрируют эту проблему своей систематичностью, агрессивностью и доминированием над жертвой. Во всех исследованиях кибербуллинга выделяется одна и та же ролевая структура, включающая хулигана, жертву, свидетеля и жертву-хулигана. Особо примечательна роль жертвы-хулигана, когда бывшая жертва превращается в агрессора в онлайн-среде. Стоит отметить, что хотя ролевая модель одинакова для обоих полов, способы и формы кибербуллинга различаются: девочки чаще занимаются спорами и распространением сплетен, тогда как мальчики склонны к преследованию и агрессивным нападениям в сети [6].

Для решения задач в профилировании и разработке стратегий предупреждения преступлений перспективной считается модель нарративных действий (NASM) Д. Кантера и Д. Янга представляющая собой анализ преступного поведения через призму ролей, которые преступники могут принимать в ходе совершения преступлений [16]. Рассматриваемая модель выделяет 4 основные нарративные роли, каждая из которых иллюстрирует разные психологические и поведенческие мотивы преступников [20]: 1) «адаптивный профессионал»; 2) «консервативная трагедия "Мстителя"»; 3) «интегративная ирония Жертвы»; 4) «экспрессивный поиск Героя».

1) Адаптивный Профессионал. Указанная роль олицетворяет индивидов, которые видят в преступлении возможность продемонстрировать свои навыки и профессионализм. Такие преступники обычно очень уверены в себе, методичны и компетентны. Они стремятся контролировать ситуацию и окружающую среду, что приводит к хорошо спланированным и исполненным преступлениям. **2) Консервативная трагедия Мстителя.** Преступники, относящиеся к этой категории, чувствуют

глубокое обиденность и стремление к мести. Их действия часто движимы личными обидами и эгоизмом, что может привести к внезапным и жестоким актам насилия. Эта роль характеризуется комплексом двойственности в поведении. **3) Интегративная ирония Жертвы.** Главные действующие лица считают себя бессильными и недостаточно компетентными, ощущая себя запутавшимися в обстоятельствах. Эта роль связана с переживанием постоянных негативных эмоций, которые могут проявляться в саморазрушающем поведении или пассивности. **4) Экспрессивный поиск Героя.** Личности соответствующие данной ролевой модели движимы четкими убеждениями или миссией. Они видят преступление как необходимость и часто игнорируют влияние своих действий на жертв. Преступления, совершаемые этими индивидами, часто сопровождаются экстремальным насилием и жестокостью, в то время как сами преступники испытывают возбуждение и положительные эмоции.

В целом, использование модели нарративных действий позволяет глубже понять, какие повествовательные роли принимает преступник, что может помочь в расследовании и профилировании. Рассмотрение преступлений через нарративные роли предоставляет уникальные инсайты в мотивации и поведение правонарушителей, делая анализ более глубоким и всесторонним. Резюмируя, на основе анализа имеющихся исследований, можно сформировать следующие группы, характеризующие криминалистически значимые свойства личности кибербуллера: *Социально-демографические: Возраст.* Большинство кибербуллеров — это подростки и молодые люди до 25 лет. Данная возрастная категория характеризуется повышенной эмоциональностью, максимализмом, стремлением к самоутверждению и риску. *Пол.* Среди кибербуллеров встречаются как мужчины, так и женщины. Некоторые исследования показывают, что лица женского пола чаще выступают организаторами и подстрекателями травли в интернете [5]. *Образование и социальный статус.* Кибербуллинг не имеет прямой корреляции с уровнем образования и социальным положением. Кибербуллерами могут быть как учащиеся школ, так и студенты или работающие лица. Здесь применимы базовые паттерны личности преступника, говорящие о том, что уровень образования преступников ниже, чем у других групп населения, низка доля лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование [1].

Психологические свойства: Агрессивность. Для кибербуллеров характерен повышенный уровень агрессивности, которая находит выход в виртуальном пространстве. Мотивы агрессии могут быть различными: зависть, месть, самоутверждение, развлечение и др. *Эмоциональная незрелость.* Многие кибербуллеры отличаются эмоциональной незрелостью, неспособностью контролировать свои эмоции и импульсивные побуждения. *Дефекты правосознания.* Кибербуллеры зачастую обладают искаженными представлениями о допустимом поведении в интернете, не осознают в полной мере последствия своих действий, считают себя анонимными и безнаказанными. *Недостаток эмпатии.* Для кибербуллеров свойственно отсутствие сопереживания жертве, неспособность поставить себя на её место и прочувствовать причиняемые страдания.

Поведенческие признаки: Интенсивное использование интернета и соцсетей. Кибербуллеры, как правило, проводят много времени онлайн, имеют несколько аккаунтов в соцсетях, активно участвуют в интернет-коммуникации. *Девиянтное поведение.* У многих кибербуллеров наблюдаются те или иные формы девиантного поведения: агрессия, употребление психоактивных веществ, делинквентность и др. *Социальная изолированность в реальной жизни.* Нередко кибербуллеры испытыва-

ют трудности в непосредственном общении, имеют мало друзей, подвергаются буллингу в школе или иных социальных группах.

Таким образом, криминалистическое изучение личности преступника-кибербуллера имеет важное научное и практическое значение. Знание типичных свойств и признаков личности кибербуллера позволяет выдвигать версии о субъекте преступления, планировать и осуществлять его розыск, проводить эффективные следственные действия. В то же время, личность каждого конкретного кибербуллера обладает индивидуальными особенностями, которые требуют учёта при расследовании уголовных дел данной категории.

Список литературы:

1. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. 448 с.
2. Бочавер А. А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. № 3. С. 177-191.
3. Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 1. С. 91-97.
4. Введенская О. Ю. Характеристика личности интернет-преступников // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30). С. 116-118.
5. Вихман А.А. Личностные предикторы кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте // Психология и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 94–106.
6. Волкова Е.Н. Обзор зарубежных исследований по проблеме кибербуллинга среди подростков и молодежи // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. № 2. С. 71-81.
7. Воронин Ю.А. Типология личности преступников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 26 с.
8. Кондрашкин А.В. Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 3. С. 102–113.
9. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / А.Г. Бедризов, Т.С. Волчецкая, Н.В. Галяшин и др.; отв. ред. Я.В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016. 224 с.
10. Личность преступника: монография / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Юрид. лит., 1971. 355 с.
11. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. 383 с.
12. Парфентьев У. Кибер-агрессоры // Дети в информационном обществе. 2009. № 2. С. 66–67.
13. Путинцева А.В. К вопросу о характеристике личности несовершеннолетнего кибербуллера // Евразийский Союз Ученых. 2019. № 10-3 (67). С. 33-35.
14. Путинцева А.В. Криминологическая характеристика личности кибербуллера // Научные исследования. 2020. № 2 (33). С. 42-44.
15. Сашенков С.А., Стефанский А.Л. Криминологические особенности личности преступника, совершающего преступления в социальных сетях // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С. 32-38.
16. Canter D., Youngs D. Narratives of criminal action and forensic psychology // Legal and Criminological Psychology. 2012. Vol. 17. Pp. 262-275.
17. Cyberbullying: An Interview with Parry Aftab [Электронный ресурс]. – URL: <http://etcjournal.com/2011/02/17/7299/> (дата обращения: 04.06.2024)
18. Dooley J., Pyzalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying: A theoretical and conceptual review // Journal of Psychology. 2009. Vol. 217. Pp. 182–188.
19. Eden S., Heiman T. & Olenik-Shemesh D. Bully versus victim on the internet: The correlation with emotional-social characteristics // Education and Information Technologies. 2016. Vol. 21. Pp. 699–713
20. Fumagalli A., Trayford T.J., Chrysikos A. Cyberbullying: Differentiating Offenders Criminal Roles using a Narrative-Based Approach // Legal and Criminological Psychology. 2024. Vol. 29. Pp. 1–16.
21. Hladíková V. & Gálíková Tolnaiová, S. Cyber Aggressors, Their Motives, Emotions and Behavioural Tendencies in The Process of Cyberbullying //Ad Alta: Journal of Interdisciplinary Research.2019.Vol.9.
22. Hollá K. Sexting a kyberšikana. Bratislava, 2016. 165 p.
23. Li Q. Bullying in the new playground: Research into cyberbullying and cyber- victimization // Australasian Journal of Educational Technology. 2007. Vol. 23. Pp. 435-454.
24. Medina A.C. Una nueva cara de Internet: El acoso // Educación y Comunicación en la Sociedad del Conocimiento. 2003. № 1.
25. Vandebosch H., Van Cleemput K. Cyberbullying among youngsters: Profiles of bullies and victims // New Media and Society. 2009. Vol. 11. Pp. 1349–1371.

Chich Yulia A. The personality of a cyberbully: psychological characteristics and motivation for criminal behavior in the virtual space // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 536–541.

The article is devoted to the analysis of the personality of a cyberbully - a person who commits crimes in the virtual space through insults, threats and bullying. Various types of cyberbullies, their motivation, psychological characteristics and behavioral characteristics are considered. Particular attention is paid to the role

structure of cyberbullying, including the roles of bully, victim, witness and victim-bully. It also provides research data showing the connection between cyberbullying and bullying in real life, and the influence of parental control on the risk of involvement in cyberbullying. The article emphasizes that the virtual personality of a cyberbully is formed in the process of online communication and can differ significantly from the real prototype, acquiring deviant attitudes and destructive behavior.

Keywords: cyberbullying, cyberbuller, personality of the criminal, cyber aggression, motivation for criminal behavior, psychological characteristics, virtual personality, deviant behavior.

Spisok literaturi:

1. Antonyan Yu.M. Kriminologiya. Izbrannye leksii. M., 2004. 448 s.
2. Bocharov A.A., Khlomov K.D. Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologiy // Psikhologiya. Zhurnal VShE. 2014. № 3. S. 177-191.
3. Bochkareva E.V., Strenin D.A. Teoretiko-pravovye aspekty kiberbullinga // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2021. № 1. S. 91-97.
4. Vvedenskaya O. Yu. Kharakteristika lichnosti internet-prestupnikov // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 4 (30). S. 116-118.
5. Vikhman A.A. Lichnostnye prediktory kiberviktimnosti i kiberbullinga v yunosheskom vozraste // Psikhologiya i pravo. 2023. T. 13, № 1. S. 94-106.
6. Volkova E.N., Volkova I.V., Golubovskaya A.S. Obzor zarubezhnykh issledovaniy po probleme kiberbullinga sredi podrostkov i molodezhi // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. 2019. № 2. S. 71-81.
7. Voronin Yu.A. Tipologiya lichnosti prestupnikov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Sverdlovsk, 1974. 26 s.
8. Kriminalisticheskoye izuchenie lichnosti: nauchno-prakticheskoye posobie dlya magistrrov / A.G. Bedrizov, T.S. Volchetskaya, N.V. Galyashin i dr.; otv. red. Ya.V. Komissarova. M.: Prospekt, 2016. 224 s.
9. Lichnost' prestupnika: monografiya / otv. red. V. N. Kudryavtsev. M.: Yurid. lit., 1971. 355 s.
10. Lunev V.V. Motivatsiya prestupnogo povedeniya. M., 1991. 383 s.
11. Putintseva A.V. K voprosu o kharakteristike lichnosti nesovershennoletnego kiberbullera // Evraziyskiy Soyuz Uchenykh. 2019. № 10-3 (67). S. 33-35.
12. Putintseva A.V. Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti kiberbullera Nauchnye issledovaniya. 2020. № 2(33). S. 42.
13. Sashenkov S.A., Stefanskiy A.L. Kriminologicheskie osobennosti lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestupleniya v sotsial'nykh setyakh // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 4 (50). S. 32-38.
14. Parfent'yev U. Kiber-agressory // Deti v informatsionnom obshchestve. 2009. № 2. S. 66-67.
15. Kondrashkin A.V. Deviantnoye povedenie podrostkov i Internet: izmenenie sotsial'noy situatsii // Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2012. T. 9, № 3. S. 102-113.
16. Canter D., Youngs D. Narratives of criminal action and forensic psychology // Legal and Criminological Psychology. 2012. Vol. 17. Pp. 262-275.
17. Cyberbullying: An Interview with Parry Aftab [Электронный ресурс]. – URL: <http://etcjournal.com/2011/02/17/7299/> (дата обращения: 04.06.2024)
18. Dooley J., Pyzalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying: A theoretical and conceptual review // Journal of Psychology. 2009. Vol. 217. Pp. 182-188.
19. Eden S., Heiman T. & Olenik-Shemesh D. Bully versus victim on the internet: The correlation with emotional-social characteristics // Education and Information Technologies. 2016. Vol. 21. Pp. 699-713
20. Fumagalli A., Trayford T.J., Chrysikos A. Cyberbullying: Differentiating Offenders Criminal Roles using a Narrative-Based Approach // Legal and Criminological Psychology. 2024. Vol. 29. Pp. 1-16.
21. Hladíková V. & Gálíková Tolnaiová, S. Cyber Aggressors, Their Motives, Emotions and Behavioural Tendencies in The Process of Cyberbullying // Ad Alta: Journal of Interdisciplinary Research. 2019. Vol. 9. Pp. 71-76.
22. Hollá K. Sexting a kyberšikana. Bratislava, 2016. 165 p.
23. Li Q. Bullying in the new playground: Research into cyberbullying and cyber- victimization // Australasian Journal of Educational Technology. 2007. Vol. 23. Pp. 435-454.
24. Medina A.C. Una nueva cara de Internet: El acoso // Educación y Comunicación en la Sociedad del Conocimiento. 2003. № 1.
25. Vandebosch H., Van Cleemput K. Cyberbullying among youngsters: Profiles of bullies and victims // New Media and Society. 2009. Vol. 11. Pp. 1349-1371.